

УДК 27-9:271.22(477)

**ВОПРОС О ГРАНИЦАХ ЮРИСДИКЦИИ МОСКОВСКОГО
ПАТРИАРХА СОГЛАСНО АКТАМ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО
СОБОРА ВОСТОЧНЫХ ПАТРИАРХОВ 1593 Г., ГРАМОТЫ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА ДИОНИСИЯ IV 1686 Г.
И НА ОСНОВАНИИ 17-ГО КАНОНА IV ВСЕЛЕНСКОГО СОБОРА**

Архимандрит Феогност (Пушков)

Текст посвящен актуальному в современном православном сообществе вопросу о границах прав (юрисдикции) Московского Патриарха. В частности, вопрос обострился из-за стимулируемого светской властью Украины процесса предоставления автокефалии (независимости и самоуправления) Православной Церкви в Украине. Между Константинополем и Москвой идет напряженная полемика по каноническому спору: получала ли Москва права юрисдикции над Киевской митрополией, изначально находившейся в подчинении Константинопольскому Патриархату? Апологетом юрисдикции Москвы над Киевом выступил кандидат богословия священник Михаил Желтов. Однако его фундаментальный и, казалось бы, основательный очерк «Историко-канонические основания единства русской Церкви» подвергся справедливым нареканиям, как со стороны светских ученых, так и специалистов по церковному праву, в частности, со стороны канонистов Константинопольского Патриархата. Вместе с тем выводы критиков, отметивших слабые места в очерке о. Михаила Желтова, так же категоричны в отрицании каноничности юрисдикции Московского Патриарха над Киевской Митрополией. Между тем, как мы постараемся убедительно доказать, из спорных выводов о. Михаила вовсе не следует, что выводы канонистов Константинополя безукоризненны. Решение этого вопроса в научно-каноническом формате имеет фундаментальное значение для преодоления сложившейся кризисной ситуации как между Константинополем и Москвой, так и в самом украинском Православии, расколотом на враждующие группы – УПЦ, УПЦ КП и УАПЦ.

Ключевые слова: автокефалия Украинской Церкви, Собор Восточных Патриархов 1593 г., грамота Вселенского Патриарха Дионисия 1686 г., границы юрисдикции Московского Патриарха.

THE ISSUE OF LEGAL BOUNDARIES OF THE MOSCOW PATRIARCH ACCORDING TO THE ACTS OF THE COUNCIL OF CONSTANTINOPLE IN 1593, THE MISSIVE OF THE PATRIARCH DIONYSIUS IV IN 1686 AND THE 17TH CANON OF THE FORTH ECUMENICAL COUNCIL

Archimandrite Feognost (Pushkov)

The article covers the topical question for the modern Orthodox society that is the issue of the legal boundaries of the Moscow Patriarchy. The question became especially acute being motivated by Ukraine temporality in achieving autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church. There is a tense dispute between Constantinople and Moscow – did Moscow get a right of jurisdiction over the Kyivan Metropolitanate that had initially been under the jurisdiction of Constantinople? The apologist for Moscow jurisdiction was priest Mikhail Zheltov, the Candidate of Theology. Nevertheless his fundamental and seemingly profound essay “Historical canonical bases for the unity of the Russian Church” was fairly disgraced by both secular scholars and specialists in ecclesiastic law, especially by canonist of Constantinople Patriarchy. However, pointing out weak points in Zheltov’s essay the critics also criticized the negation of canonicity of Moscow Patriarchy jurisdiction over the Kyivan Metropolitanate. Moreover, this article will prove demonstratively that disputable findings of father Mikhail do not mean that canonist of Constantinople have perfect arguments. The settlement of the question in scientific-canonical form has significant importance in overcoming the crisis between Constantinople and Moscow as well as in Ukrainian Orthodoxy divided into warring fractions like Ukrainian Orthodox Church, Ukrainian Orthodox Church of Kiev Patriarchy, and Ukrainian Autocephalous Orthodox Church.

Keywords: autocephaly of Ukrainian Church, the Council of Constantinople in 1593, the Missive of the Patriarch Dionysius IV in 1686, legal boundaries of the Moscow Patriarch.

Предисловие

Взбудораживший современную православную общественность (не только Русскую Православную Церковь, но и вселенское Православие в целом) вопрос об автокефалии Церкви в Украине пытаются решить на основании обращения к древним нормативным актам, устанавливающим границы юрисдикции Патриарха Московского. В научно-популярном очерке священника Михаила Желтова «Историко-канонические основания единства Русской Церкви» [2] основное внимание уделено двум каноническим документам: Решениям Константинопольского Собора Восточных Патриархов 1593 г. (о границах основанного в 1589 г. Московского Патриархата) и грамоте Патриарха Дионисия 1686 г. (о передаче Киевской Митрополии Константинопольского Патриархата «под надзор» Патриарха града Москвы). Несмотря на высокий уровень эрудиции ученого священника М. Желтова, его статья вызвала массу справедливых и аргументированных нареканий. С выводами о. Михаила согласиться проблематично, они уязвимы для критики. С другой стороны, отрицательные выводы по смыслу и содержанию древних актов вовсе не означают, что у Московского Патриархата в настоящий момент нет канонической юрисдикции над Киевской Митрополией. Но основания для этой юрисдикции предоставляют не документы 1593 и 1686 гг., а 17-й канон Халкедона (451 г.).

Почему автор решился написать свой очерк в формате возражений о. Михаилу Желтову? Во-первых, мой оппонент – действительно ученый и обладающий большим авторитетом в современной русскоязычной научно-богословской среде человек. Его очерк сразу же стал популярным и цитируемым как в кругу современных представителей богословской науки РПЦ (свящ. Владимир Шмалий, члены Синодальной библейско-богословской

комиссии), так и в среде идейных противников автокефалии в Украине из простонародья без богословского образования. Но ввиду уязвимости его выводов и трактовок для критики (так даже Вера Ченцова [8], на исследования которой ссылается в своей работе о. Михаил, подвергла его выводы резкой критике), ошибки или тенденциозные выводы критикуемого мною автора могут бросить тень на всю науку и подвергнуть сомнению возможность канонически доказать легитимность юрисдикции Московского Патриарха над Киевом. Т.е. результаты могут быть обратные запланированным о. Михаилом. Во-вторых, именно сам же о. Желтов и наметил правильный вектор апологетики прав Московского Патриарха на Киев (17-й канон Халкедона), правда, рассмотрев его с бесполезного для современной ситуации ракурса (царская власть). Поэтому мы с благодарностью последуем по тропе, проложенной о. Желтовым (первопроходцем в рассуждениях по затронутому вопросу), отметив некоторые шершавости и неточности, доведем вопрос до окончательного решения в научном формате. Ну, а на практике дело останется за иерархами.

Итак, ниже я (критически и в контексте другой церковной документации XVI-XVII вв.) рассматриваю три указанных в заглавии очерка документа в соответствующем порядке: документы 1593, 1686 и 451 гг.

1. Акты Константинопольского Собора Восточных Патриархов 1593 года

Основной тезис в очерке о. Михаила – это утверждение, что Актом Константинопольского Собора 1593 г. с участием всех Восточных Патриархов дано основание Москве простирать свою юрисдикцию на Киев. *«Соборное деяние 1593 г. не только не предполагало возможности дальнейшего сосуществования двух митрополий "всяя Руси", но и предоставило русскому царю и Московскому Патриарху все необходимые инструменты для преодоления имевшегося на тот момент разделения с Западнорусской митрополией»*, – пишет о. Желтов [2]. Критика этого тезиса будет представлена с двух ракурсов:

а) Формула соборного решения 1593 г. (цит. по тексту *о. Желтова*):

Греческий текст: «...τὸν θρόνον τῆς εὐσεβεστάτης καὶ ὀρθοδόξου πόλεως Μοσκόβου εἶναι τε καὶ λέγεσθαι πατριαρχεῖον, διὰ τὸ βασιλείας ἀξιωθῆναι παρὰ Θεοῦ τὴν χώραν ταύτην, πᾶσαν τε Ῥωσίαν καὶ τὰ ὑπερβόρεια μέρη ὑποτάττεσθαι τῷ πατριαρχικῷ θρόνῳ Μοσκόβου καὶ πάσης Ῥωσίας καὶ τῶν ὑπερβορείων μερῶν» и русский перевод *о. Михаила*: «...престол благочестивейшего и православного города Москвы да будет и называется патриаршим, поскольку страна та удостоилась от Бога царской власти, а вся Русь и северные страны да подчиняются патриаршему престолу Московскому и всея Руси и всех северных стран...». Спор возникает вокруг двух терминов: «вся Русь» и «северные страны».

Протодиакон Андрей Кураев справедливо обратил внимание *о. Желтова* на то, что «*понятие "вся Россия" в голове современного отца Михаила и автора концепции "русского мира" едва ли тождественно представлению о границах "всей России" у греков XVI века*» [5]. С позиции Константинополя Киев, Гетманщина и прочие земли современной Украины и Белоруссии считались тогда землями Польши и Литвы, а никак не «Руси» [4]. С большой натяжкой можно истолковать этот текст, как косвенный намек на право Патриархов простирать свою юрисдикцию на эти земли **в случае их вхождения в состав Российской империи** (о чем, как мне кажется, и намекает выделенное *о. Желтовым* упоминание Собора о «царской власти», мол, когда земли эти отойдут под руку царя Московского, тогда и будет Патриарх Московский делить их в соответствии с границами внутренних областей царства Российского, а пока...).

Касательно же «северных стран» мы снова попадаем в конфликт интерпретаций: северных относительно чего – Москвы или Константинополя? *О. Желтов* понимает текст так, что он говорит о землях, севернее Константинополя, т.е. читать следует так: «Патриарх Москвы и всех стран, что севернее нас, греков». Но такое «широкое» толкование едва ли допустимо. Ведь географически прямо на север от Константинополя

расположены Болгария и Сербия! Едва ли Собор хотел передать эти страны в юрисдикцию Москвы. Думаю, что и сам о. Михаил не согласится с таким мнением, однако, оно неизбежно следует из трактовки формулы Собора в смысле «севернее Константинополя». Поэтому с моей точки зрения смысл определения Собора читается как «Москва и весь российский север». И, как мне кажется, уточняющая ремарка «северные страны» сделана как раз для того, чтобы отгородить от влияния Москвы юг бывшей Киевской Руси, а «ныне» (на момент составления определений Собора) входящий по частям в Османскую, Польскую и Литовскую державы. В обоснованности моих выводов мы убедимся при рассмотрении грамоты 1686 г.

Но, справедливости ради, следует признать, что здесь мы с о. Желовым находимся в сфере противоречивых толкований, т.к. возможно трактовать Акты 1593 г. и в том смысле, который предлагает мой оппонент. Но как же найти правильный смысл цитированного соборного решения?

Чтобы ответить на вопрос кто из нас прав, следует обратиться к следующему:

б) Документы греков, направленные в Польшу, Литву, Москву и Киев после 1593 г.

Самым первым документом этого периода является «Ставленная грамота» митрополиту Киевскому, Галицкому и всей Малой России [АЮЗР, с. 187] Иову Борецкому, данная посвятившим его Патриархом Иерусалимским Феофаном IV в 1620 г., т.е. спустя 27 лет после решений Собора 1593 г. В этой грамоте Феофан обращается ко «всем людям духовного чина и мирским в Малой России, в королевстве Польском, в великом княжестве Литовском и Русском и во всех иных государствах и княжествах, под державой наияснейшего короля Польского – православным христианам Святой восточной Кафолической Церкви **святейшего престола Константинопольского послушным сынам**» [АЮЗР, с. 184]. Из этого текста очевидно, что Феофан (как становится далее ясно из текста грамоты, выступавший в качестве экзарха Патриархов Константинополя, Антиохии и Александрии) не считал адресатов своего

послания чадами Патриарха Московского! Неужели Феофан не знал о решениях 1593 года? В тексте грамот Феофан постоянно говорит от себя и от лица «трех апостольских престолов, Святейших Патриархов, сопастырей наших» [АЮЗР, с. 187-188], но совершенно не упоминает волю Московского Патриарха. А самому Борецкому предписывает хранить «**послушание святейшему архиепископу Константинополя, Нового Рима и Вселенскому Патриарху как истинному своему правильно и природному (по правилам и по природе? – *sThg*) пастырю**» [АЮЗР, с. 188]. Заметим, что далее Феофан титулирует Иова «митрополитом Киевским и Галицким и всея России» [АЮЗР, с. 190, 191]. Т.е., вопреки выводам о. Желтова, Патриархи таки решили «**быть**» двум иерархам с титулами «всея России / Руси».

Отметим, что и сам Патриарх Константинопольский Иеремия II не считал, что юрисдикция Москвы простирается на Киев. Так, уже **после** установления патриаршества в Москве на обратном пути домой (т.е. уже после поставления Патриарха Иова) Иеремия в августе 1589 г. посвятил в Вильне Михаила Рагозу в сан митрополита Киевского! А уже цитированной выше «ставленной грамотой» Борецкому Феофан предаст проклятию Рагозу как клятвопреступника, отпавшего от Константинополя и подчинившегося Риму.

Интересный эпизод описывает С.Соловьев в своей монументальной «Истории России»: В 1668 г. митрополитом Киевским и экзархом Константинополя в Малой России, Польше и Литве стал последний утвержденный Константинополем митрополит Киевский – Иосиф Нелюбович-Тукальский (годы правления 1668-1675). Т.е. мы снова попадаем уже в Киев после воссоединения с Великой Россией 1654 г., но еще независимый от Москвы в церковном плане. Так вот этот митрополит лишил архиерейского сана одного епископа Малой России, перед тем посвященного в сан епископа в Москве. Речь идет о Мефодие Филимоновиче (рукоположен в Москве 4 мая 1661 г. во епископы Мстиславские местоблюстителем Патриаршего трона Москвы митрополитом Питиримом – впоследствии избранным в Патриархом Московским). Митрополит Иосиф сослал Мефодия в Уманьский монастырь со

словами: «Недостойн ты быть епископом, ибо принял рукоположение от Патриарха Московского» [7, с. 361]. То, что впоследствии Иосиф оказался предателем московских интересов и «работал на турок» не отменяет того факта, что он был законным митрополитом Киевским, порядок поставления и утверждения которого не вызывал сомнений в Москве.

Следующий документ – это грамота 1678 года Патриарха Иерусалимского Досифея к верующим Киевской Митрополии (которая, после смерти митрополита Иосифа, оставалась вакантной под местоблюстительством престарелого Черниговского архиепископа Лазаря Барановича до 1685 г.). Досифей обещает сообщить о бедственном состоянии малороссийских православных Константинопольскому Патриарху и просить его послать экзарха для Польши и Литвы [АЮЗР, с. 213].

Через 5 лет после грамоты Досифея Патриарх Московский Иоаким в 1683 г. направил гетману Самойловичу грамоту с просьбой позаботиться об избрании митрополита в Киев [АЮЗР, с. 218]. Но опирается в этом тексте Иоаким не на права своей юрисдикции, а на сложившиеся для Константинополя трудности с окормлением паствы в Польше и Литве. Причем, Иоаким признает, что «в правлении духовном она епархия (Киевская – *sThg*) издавна у цареградского Патриарха», а потому и свое участие в этом деле Иоаким оправдывает тем, что в сложившихся условиях нам «праведно и законно помоществовати» находящимся в стесненных обстоятельствах [АЮЗР, с. 220]. Но это послание Иоакима не возымело желанного действия, а потому в следующем 1684 г. он снова повторил гетману Самойловичу свою просьбу [АЮЗР, с. 222]. Здесь Патриарх аргументирует свое вмешательство угрозой со стороны «униатов» (кстати, это едва ли ни первый акт, в котором встречается слово «униат»). В том же году бежавший с Волыни в Киев епископ Гедеон Четвертинский из Киева (уже вошедшего в состав царства Российского, о чем см. ниже) направил Патриарху Иоакиму свою «вассальную грамоту» [АЮЗР, с. 225].

Особый интерес в затронутом вопросе представляет собою грамота того же 1684 г. царей Российских Иоанна и Петра Алексеевичей к Патриарху Константинопольскому Иакову [АЮЗР, с. 228]. Вот тут то и настало время «царского аргумента»! Отправители особо подчеркивают, что их отец царь Алексей Михайлович отвоевал Малороссию и «учинились в нашей государственной державе богоспасаемый град Киев и весь Малороссийский край» [АЮЗР, с. 229]. В этой грамоте просят Патриарха Иакова предоставить право Патриарху Московскому рукополагать митрополитов в Киев, но при этом даются гарантии, что данное положение дел **не приведет «вашему архипастырству ...ко умалению своея епархии»** [АЮЗР, с. 231]. Т.е. **речь не идет о правах юрисдикции**, но только о праве рукополагать, и то по причине долгого и трудного пути из Киева в Константинополь. Логика грамоты ясна: раз Киев теперь внутри Российского царства, то путешествие из Киева в Москву безопасней, чем путешествие из Киева – в Стамбул.

Выводы

Документы 1593 г. и вся последующая церковно-каноническая и дипломатическая переписка между Москвой и Восточными Патриархами неоспоримо свидетельствуют о том, что во взятый во внимание период Москва не имела юрисдикции над Киевом, причем, осознавали это обе стороны – и Константинополь, и Москва.

2. Грамота Константинопольского Патриарха Дионисия IV 1686 года о передачи Киевской Митрополии «под надзор» Патриарха Московского

Итак, из предыдущего мы видели, что еще в 1684 г. и российскими царями, и гетманом Самойловичем со всеми киевскими клириками и мирянами, бесспорно признавалось, что **Киевская Митрополия входит в состав Константинопольского Патриархата**. После 1654 г. киевляне стали гражданами России и верноподданными российских царей, но в церковном плане оставались чадами Вселенского Патриарха. Российские цари просили для Патриарха Московского право поставлять Киевского митрополита, но и не говорили о юрисдикции Москвы над Киевом. На каноническом языке такое

положение дел называется «эпитропией» (ἐπιτροπικῶς) [1], в отличие от юрисдикции. Чтобы неискушенному в тонкостях канонической терминологии человеку было понятно, это можно сравнить с двумя видами «права вождения автомобиля»: По доверенности (эпитропия) и с юридическим переоформлением в собственность (юрисдикция).

«Константинопольское самосознание» Киевской Митрополии было в то время настолько велико, что в августе 1685 г. один из немногих «промосковских» епископов Авраамий Белгородский направил в Москву секретное донесение о том, что в Киеве официальные представители клира, монашества, светской власти и мирян, собранные для избрание митрополита, категорически запротестовали против его посвящения в Москве [АЮЗР, с. 237-243]. Подчеркнем еще раз, что в это время все собравшиеся уже были гражданами Российского царства, а официальные светские власти еще в 1654 г. принесли присягу царю Алексею Михайловичу и его сыновьям. Скрупулезная переписка 1685 г. между Москвой и Киевом [АЮЗР, с. 244-283] содержит основную мысль: «Мы не можем поменять юрисдикцию, но можем только, по обстоятельствам времени, согласиться на посвящение из рук Московского Патриарха, да и то лишь с согласия нашего, Константинопольского, Патриарха». Отметим и то, что в «Исповедании» Гедеона Четвертинского при возведении его в Москве на Киевскую кафедру 8 ноября 1685 г. [АЮЗР, с. 284-286] были противоречащие всей этой переписке пункты, в частности – присяга на верность Патриарху Московскому от лица Гедеона и от лица всех последующих после него митрополитов, и полное умолчание о Патриархе Константинополя.

После поставления Гедеона Патриарх Иоаким написал Вселенскому Патриарху Иакову достаточно дерзкое письмо, в котором просто требовал от последнего передать Москве все права юрисдикции над Киевом: «Зане стояти Вашему Блаженству в том (т.е. в своих правах на Киев – *sThg*) не для чего» [АЮЗР, с. 292]. Видимо, ввиду весьма дерзкого тона этого письма, последнее не было отправлено в Царьград [АЮЗР, с. 293], а вместо него было отправлено

иное – более дипломатичное [АЮЗР, с. 294]. Примечательно, что Патриарх Иерусалимский Досифей в апреле 1686 года направил Патриарху Иоакиму в Москву гневное послание с упреком за попытку подчинить себе Киев [АЮЗР, с. 324]. «По какой причине Вы отвергаете чужую епархию? Это стыд пред людьми и грех пред Богом», – пишет Досифей Иоакиму. К тому же Иерусалимский Патриарх упрекает Патриарха Московского в симонии (прямым текстом!), описывает как послы Патриарха и царя Российского просто «выторговывали» у греков Киевскую Митрополию. Но особый интерес в письме Досифея к Иоакиму представляют следующие слова: «Довольно бы было братской твоей любви, да еси **наместник [ἐπίτροπος] Константинопольского Патриарха**, да испытываеши того Киевского митрополита и да повелеваеши ему, и да судиши его» [АЮЗР, с. 327].

О. Михаил Желтов оспаривает в своем очерке то, что митрополиту Киева (перешедшему, по словам о. Михаила, в юрисдикцию Московского Патриарха) был предоставлен статус *экзарха* Константинополя. Однако из послания Патриарха Досифея видно, что сам Патриарх Московский воспринимался как *экзарх* Константинополя над Киевом и потому не от своего лица, а от лица Константинопольского Патриарха судил Киевского митрополита. Тот же Патриарх Досифей в другом послании пишет (к царям России): «Да будет убо епархия (Киевская – *sThg*) Константинопольского, **наместничествуемая же** от Святейшего Патриарха Московского» [АЮЗР, с. 338-339]. Здесь может возникнуть вопрос: каким образом клирик одной автокефальной Церкви выступает в качестве эпитропа другой? Но в таком деле нет ничего странного, так на Ферраро-Флорентийский Собор 1438-1439 гг. в качестве *экзарха* [ἑξάρχος] (т.е. более высокий ранг, чем эпитроп) Антиохийского Патриарха был направлен Марк, митрополит Эфесский – епископ Константинопольского Патриархата. Т.е. Антиохийский Патриарх передал свой голос митрополиту другой автокефальной Церкви. Сам же о. Желтов отмечает: «В 1561 г. Патриархом Константинопольским Иоасафом II от лица архиерейского собора ...митрополиту (Московскому – *sThg*) Макарию, **в статусе патриаршего**

экзарха, предоставлено право венчать Ивана IV на царство от лица самого Патриарха». Нет ничего удивительного, что в Московском Патриархе Константинополь видел своего епитропа для земель нынешних Украины, Литвы, Польши и Белоруссии.

Так же особенно отметим, что актом 1686 г. под опеку Москвы передавались только собственные земли Киевской епархии и вошедшие в Российское царство земли Малой России. Но «акт передачи» не распространялся на «Закарпатье, Буковину, Подолье, Галичину, Волынь, "ханскую Украину" на юге и Крым» [4]. Именно таким раскладом дел объясняется тот факт, что уже в 1759 г. Вселенский Патриарх Кирилл V рукоположил епископа Мелетинского Анатолия (Мелеся) специально для Запорожской Сечи. Правда через год этого архиерея арестовала российская власть и сослала в Сибирь, сообщает архиепископ Иов Геча [4]. Т.е. мы снова сталкиваемся с ситуацией, когда земли, в государственном отношении вошедшие в состав России, в церковном отношении оставались под юрисдикцией Константинополя.

Тут следует особенно обратить внимание еще на один факт. Уже в 1686 г. Москва превысила свои полномочия, о чем пишет митрополит Иларион Огиенко: «Киевский митрополит издавна был "экзархом (ἑξάρχος) вселенского престола"» [3], и этот титул тотчас же отняли у первого же поставленного в Москве Киевского митрополита Гедеона, хотя за оставление этого титула настоятельно просил Москву гетман Самойлович. Собственно именно этот титул был необходим для Киевского митрополита ввиду того, что Православная Церковь в Польше подчинялась именно ему как экзарху Патриарха Константинопольского для Малой России, Польши и Литвы [3]. Утратив этот титул, митрополит Киевский утратил и свою юрисдикцию над Церквями, входившими в его митрополию за пределами Малой России, вошедшей в состав Великой России в 1654 г. Так вот, именно в качестве экзарха Константинополя Киевский митрополит распространял власть свою на

Закарпатье, Буковину, Подолье, Галичину, Волынь, "ханскую Украину" на юге, Запорожскую Сечь, Крым, Польшу и Литву.

Так **неосмотрительным своим поступком Москва, запретив митрополиту Киева титулироваться «экзархом Вселенского Патриаршего престола», сузила границы его юрисдикции.** Именно этим и объясняется тот факт, что непосредственно Константинопольский Патриарх рукополагал епископа для Запорожской Сечи: Константинополь уже смирился с тем, что Москва простерла юрисдикцию над Киевом, но не соглашался передать Киеву земли экзархата. Наконец, еще один важный факт. «Поскольку земли Галичины и Закарпатье даже в начале XX в. считались канонической территорией Вселенского Патриархата, то член Синода Российской Церкви митрополит Киевский Антоний (Храповицкий), с целью осуществления в этих землях пастырской заботы над православною паствою, письменно обратился за разрешением и благословением к Вселенскому Патриарху, испрашивая, между прочим, для себя титул экзарха Вселенского Патриарха в Галичине и Закарпатье. И этим титулом экзарха Вселенского Патриарха в Галичине и Закарпатье этот российский иерарх был наделен в 1910 г. грамотою Вселенского Патриарха Иоакима III. Позднее титул экзарха за ним был подтвержден и Вселенским Патриархом Германом V (1913- 1918 гг.)» [4].

Итак, по состоянию на 1686 г. греки рассматривали Иоакима как Патриарха Москвы и Северной Руси, и как **наместника (эпитропа)** Константинополя на Юге Руси. А Киевского митрополита Константинополь считал своим экзархом в Малой России, Польше и Литве.

3. 17-й канон IV Вселенского Собора (Халкедон, 431 г.) и другие каноны Древней Церкви

а) Учреждение новых епархий в соответствии с административным делением в государстве.

Священник Михаил Желтов обратил внимание на 17-й канон Халкедона и 38-й Трулльский, которые, с его точки зрения, дают основания для того, чтобы царь «переподчинял» епархии одного Патриарха – другому. «*Признавая*

царское достоинство правителей Москвы, отцы собора 1593 г. тем самым признавали за русскими царями власть влиять на административно-территориальное устройство Церкви, в соответствии с православным каноническим правом», – пишет о. Желтов и тут же цитирует 38-е Трулльское правило, которое представляет собою «урезанное» 17-е правило Халкедона. Вот оба текста целиком:

17-й канон Халкедона: «По каждой епархии, как селах, или предградиях сущие приходы, должны неизменно пребывать под властью заведующих оными епископов: и наипаче, аще, в продолжении тридцати лет, бесспорно имели оные в своем ведении и управлении. Если же не далее тридцати лет был, или будет о них какой спор: то да будет позволено почитающим себя обиженными, начать о том дело пред областным Собором. Если же кто будет обижен от своего митрополита: да судится пред экзархом великой области, или пред Константинопольским престолом, как сказано выше. Но если же царскою властью новоустроеный, или впредь будет устроен град, то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку».

38-й канон Трулльский: «Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: Если царскою властью новоустроен, или впредь устроен будет град, то гражданским и земским распределением да следует и распределение церковных дел».

Из контекста обоих правил видно, что речь не идет о переподчинении старых епархий, но лишь только о том, что новые города и селения, создаваемые гражданской администрацией, получают своего епископа в соответствии с диоцезно-епархиальным делением империи. То, что наше понимание канонов верно, подтверждается еще и тем фактом, что за все существование Византийской империи не было ни единого прецедента, когда бы император епархию или митрополию одного из Патриархатов подчинял другому.

«Прецедент Илирика» как раз подтверждает наши выводы: Императоры-иконоборцы передали Илирик из ведения Римского епископа в ведение

Константинополя, но православная иерархия в то время не могла сказать своего слова, а когда иконоборцы были осуждены, прошел тот самый «тридцатилетний срок», по истечении которого законный владелец не мог уже подать апелляции о возвращении его владения. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что были случаи аннексирования автокефальной Церкви в состав «более сильной, по соседству». Например, Иоанн Златоуст окончательно аннексировал Эфесскую Церковь в состав Константинопольской кафедры на правах митрополии, хотя до этого Эфес был самоуправляемой митрополией. Но и это событие было следствием не административного решения имперской власти, а волевого натиска Златоуста, боровшегося с беспорядками в Эфесе.

Да и сам факт существования в единой империи аж 4 древних Патриархатов (Рим, Александрия, Антиохия и Иерусалим) говорит о том же. Ведь по имперской логике следовало бы иметь в столице империи одного всеимперского Патриарха Константинопольского, тогда бы не было никакого конфликта Нестория с Кириллом (427-431 гг.), как не было бы «феномена Диоскора» (449-451 гг.) с последующей потерей всего Египта для империи.

Очевидно, что указанные правила не давали ни малейших оснований русским царям выводить кафедру, оказавшуюся на территории их царства, но входящую в юрисдикцию немосковского Патриарха, из подчинения своему предстоятелю и подчинять Московскому.

Но в самом начале нашего очерка мы постулировали, что все-таки именно 17-й канон Халкедона даёт современному Московскому Патриархату настаивать на своей юрисдикции над Киевом. Каким же образом?

б) Решение спора о правах на юрисдикцию путем установления «срока давности» вхождения территории в ту, или иную юрисдикцию.

Цитированный выше текст самого канона четко делится на две неравные части. Во второй части говорится о «царских правах», на которые сослался о. Михаил и которые на самом деле к вопросу о древних кафедрах отношения не имеют. Но в первой части говорится об установлении прав юрисдикции на основании «срока давности» бесспорного пользования кафедрой или приходом.

Если какой-либо епископ пользовался данной территорией в течение 30 лет без споров (т.е. его права не оспорил никакой конкурирующий претендент на эти земли), то и впредь его права на эту территорию закрепляются навечно, хотя бы он и не смог предоставить никаких юридических оснований для своей юрисдикции, кроме тридцатилетнего пользования.

Действительно, Константинополь не передавал Правобережную Украину в юрисдикцию Москве, а Левобережную (Гетьманщину) – передал «на попечение» с соблюдением прав Константинополя (см. документы [1] и [4]). Но когда имперская Россия, как выражаются современные украинские радикалы, «прибрала к рукам и земли, и храмы», законный (на тот момент!) первоиерарх... молчал! Тихо сидел в Стамбуле и молчал!

Окончательно почти вся территория нынешней Украины вошла в юрисдикцию Синода Российской Церкви при императрице Екатерине II (†1796), за исключением территорий современного Закарпатья, Галичины и Тернопольщины. Не будем брать ситуацию 1686 г. – нам могут сказать, что тогда еще Константинополь не знал, что его права над Киевом ущемлены Москвой. У нас нет оснований сомневаться в том, что сам Гедеон Четвертинский в Киеве поминал Вселенского Патриарха прежде Московского. Фактическое отчуждение от Константинополя было делом времени и, как все медленные процессы, протекало незамеченным. В XVIII в. еще могла присутствовать некая двойственность: в Москве считали Киев «своим», а в Киеве смотрели на Патриарха Московского только как на епитропа над Киевом. Но к началу XIX в. уже было все ясно и недвусмысленно! Киевские епископы перестали почитать Патриарха Константинопольского еще при Екатерине II, при этом все давали присягу на верность государыне и **Синоду** Всероссийской Церкви.

И вот с 1800 года Константинополь ни разу не озвучил своих претензий к России! Ни разу Фанар не разорвал общение с Синодом Всероссийской Церкви! С канонической точки зрения, более чем 200-летнее молчание Патриархов Константинополя можно вполне рассматривать как знак

согласия с их стороны. В юриспруденции существует такое понятие, как «право собственности, полученное в результате многолетнего пользования, не оспоренного никем из законных владельцев». Тот же самый принцип работает и в церковной среде. Да и 1-й Вселенский Собор 6-м каноном закрепляет «принятые обычаи», а не разбирается в документах на права на кафедру. Тот же Собор 7-м каноном утверждает «принятые в обычай» знаки почета епископу Иерусалима, а III Вселенский Собор уже утверждает эту же кафедру (бывшую сначала всего-навсего провинциальной епархией в Кесарийской митрополии) до статуса автокефальной Церкви. II Вселенский Собор 3-м каноном дает провинциальному епископу Византия первенство чести перед другими епископами – сразу после епископа Рима, т.е. реально меняет статус кафедры. Но делает это не Верховная Рада, а Вселенский Собор! И прибегает к решениям, меняющим сложившийся порядок, крайне редко. Чаще всего отцы Соборов отдавали преимущества **фактически сложившемуся многолетнему порядку**. Реально церковный порядок на землях нынешней Украины находился в управлении Синода Российской Церкви (до 1917 г.), затем перешел под управление Всероссийского Патриарха Тихона и так до сего дня. Константинополь «спал» (или «дипломатично молчал») на протяжении более 200 лет, и за это время благополучно «проспал» (или «продипломатизировал») то время, когда мог в законном порядке оспорить у Москвы права юрисдикции над Киевом.

Поэтому сейчас поздно размахивать запыленными в архивах грамотами османского периода. Фактически действующая законная Православная Церковь в Украине одна. Это – Украинская Православная Церковь. Можно найти много причин для объективной критики иерархии УПЦ, но несомненно одно: эта иерархия в землях Украины не захватила ничего чужого, а пришла по преемству епископского служения на свои кафедры. (Мы оставляем за скобками ситуацию вокруг Львовского Собора 1946 г. на Западной Украине, когда все униатские храмы были отобраны силой и подчинены Московскому Патриархату, т.к. сложившаяся ситуация была продиктована сталинским

террором и Патриарх к ней не имел ни малейшего отношения, сам будучи использован «вождем народов», который не потерпел бы ни малейшего непослушания). Этим, кстати, отличается современная ситуация от ситуации в XVIII веке. Московская иерархия пришла сюда на по факту пустующие земли. Да, номинально эта территория **тогда** входила в Константинопольский Патриархат, но реально в пределах Украины отсутствовала действующая церковная структура. Архиепископ Иов (Геча) [4] смог насчитать всего двух епископов на все украинские просторы, да и те были фактически «епископами без собора и кафедры». Номинальные кафедры пустовали по 10 лет и больше: Константинополь был не в силах своевременно присылать епископов на место умерших или убиенных архиереев. Именно трудами иерархии Российской Церкви было создано, утверждено и развито все то, что сейчас рейдерскими методами хотят «прибрать к рукам» недруги УПЦ.

В действующем каноническом праве имеются каноны, посвященные урегулированию статуса спорной территории. 17-й канон Халкидона / 25 канон Трулльского собора: «По каждой епархии, как селах, или предградиях сущие приходы, должны неизменно пребывать под властью заведывающих оными епископов: и наипаче, **аще, в продолжении тридцати лет, бесспорно имели оные в своем ведении и управлении.** Если же не далее тридцати лет был, или будет о них какой спор: то да будет позволено почитающим себя обиженными, начать о том дело пред областным Собором. Если же кто будет обижен от своего митрополита: да судится пред экзархом великия области, или пред Константинопольским престолом».

Канон говорит о тридцатилетнем периоде существования приходов в составе той или иной епархии, если никакая другая епархия этого не оспорила. Обратим особое внимание на то, что Собор, во-первых, не интересуется более древней историей приходов (т.е. не задается вопросом: «а в чью юрисдикцию входил этот округ 300 лет назад?»), а во-вторых, не требует обзора документальных источников: только фактическая бесспорность существования прихода в составе епархии в течение 30 лет. Это принцип установления прав

юрисдикции. Если за эти 30 лет никто не предъявил прав на владение территорией, то тот, кто мог предъявить, но смолчал – потерял эти права. Можно оспорить незаконно прихваченное сегодня или вчера, но нет смысла утопать в спорах по вопросу о принадлежности трехсотлетней давности. В такой древности мы никогда не найдем ответа на современные вопросы. Итак, Собор не разрешает даже «заводить дело» в случае если приход мирно просуществовал в своем статусе 30 лет. Этот канон указывает принципы. Константинополь заявляет сегодня, что канон де, буквально «относится только к приходам, но не к епархиям», но это не так. Канон действительно звучит так, будто относится только к приходам, но причина тому в том, что границы епархий к 451 г. были уже твердо установлены согласием церковной и имперской администраций, а новые епархии открывались в соответствии с решениями имперской администрации об основании (выделении) новой области. Потому и спора о границах самих епархий даже не могло возникнуть в то время, когда составлен был этот канон. Однако по своей сути он является **канон, регламентирующим принцип определения прав юрисдикции**, а так, как церковная структура в целом едина, то и принципы определения прав юрисдикции в отношении «спорных» приходом те же самые, что и в отношении «спорных» епархий или церковных округов.

119 (133) канон Карфагенского Собора предписывает, что если некое место кем-либо использовалось в церковном смысле с течение трех лет, и существовал епископ, который в течение этих трех лет мог оспорить это место для себя, но промолчал – то промолчавший утрачивает право юрисдикции.

Так же следует обратить внимание, что тот же свод Карфагенских канонов определением 120 (134) по вопросу о спорных территориях предписывает епископам обращаться только к соборному суду епископов, а если претендующий на право владения «учинит нашествие» или без коллегиального решения епископов попытается завладеть территорией, то подвергается лишению и того, что имеет. Особо значимы следующие слова этого канона: «И да не льстит себе этот епископ, что имеет, де, грамоту от

первенствующего епископа с подтверждением своих прав на это место. **Но хоть имеет грамоту, хоть не имеет – да учинит сношение с имеющим оно место в своем ведении, и от него да получит грамоту... Но если и этот епископ явит некое притязание, то да решится спор судом епископов... из соседних епископий**». В применении к ситуации между двумя Поместными Церквями это означает, что Константинополь должен был запросить у Патриарха Московского (сегодня **«имеющего Украину в своем ведении»**) право на Украину. А если Москва отказала, то решить вопрос об Украине на совещании предстоятелей Поместных Церквей. Часто Патриарху Кириллу ставят в вину то, что он не явился на Критский Собор 2016 г. и потому, де, вопрос не был обсужден. Однако мы видим, что сегодня в поддержку прав Москвы и с критикой Константинополя высказалось большинство предстоятелей и Синодов Поместных Церквей: Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Грузинской, Сербской, Болгарской, Элладской, Польской, Чешских земель и Словакии, Православной Церкви в Америке, которую до сих пор не признает Константинополь.

Общий вывод

Документы 1593 и 1686 гг. не предоставляют Москве прав юрисдикции над Киевом, т.е., попросту говоря, не передают Киевскую митрополию из Константинопольского Патриархата в состав Московского Патриархата. Однако, придя на земли Киевской митрополии, которые долгое время находились в состоянии полного запустения (из-за притеснений православных со стороны униатов, поляков, татар), Московский Патриархат обустроил, а точнее – возвел с нуля здание церковной администрации, иерархии, упорядочил институт монашества и на протяжении веков духовно окормлял паству, населявшую украинские земли. В 1686 г. «под окормление» Патриарху Московскому передали фактически руины, на сегодня же Киевская митрополия в юрисдикции Московского Патриархата является доминирующей по количеству верующих церковной структурой в Украине. За 300 лет Московский Патриархат приобрел «право собственности», точнее – право юрисдикции над

Киевом, и не раз заявлял в течение этих 300 лет о своем видении данного вопроса. Константинополь все эти 300 лет знал позицию Москвы и ни разу ее не оспорил, тем самым утратив право на законную апелляцию в тридцатилетний срок после установления Москвой юрисдикции над Киевом. Поэтому сегодня именно действия Константинополя, который в октябре 2018 г. синодальным решением аннулировал свой акт 1686 г. и восстановил Константинопольскую ставропигию в Киеве [6], незаконны!

Мы написали данное исследование не с целью ослабить права юрисдикции Московского Патриархата над Киевской Церковью, но с целью устранить из секции вполне здравых аргументов несколько ложных, которые, как ложка дегтя в бочке меда, могут сослужить этому меду недобрую службу.

Список сокращений:

АЮЗР – Архив Юго-Западной России. Ч. I. Т. V: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому Патриархату (1620-1694 г.) [Электронный ресурс] // Runivers.ru [сайт]. 2018. URL: <https://goo.gl/3KEpoG> (дата обращения: 04.11.2018). [В связи с присутствием в одном документе тройной нумерации страниц при цитировании мы указываем не ту, или иную издательскую пагинацию, а страницу в сканированном документе в формате pdf].

sThg – sacerdos Theognostous, персональная литерация автора, используется во внутритекстовых примечаниях.

Список литературы:

1. Ο Οικουμενικός Θρόνος και η Εκκλησία της Ουκρανίας. Ομιλούν τα κείμενα [Электронный ресурс] // Οικουμενικόν Πατριαρχεῖον [сайт]. 09.2018. URL: <https://goo.gl/ubahwo> (дата обращения: 04.11.2018).

2. Желтов Михаил, свящ. Историко-канонические основания единства Русской Церкви [Электронный ресурс] // Православие.Ru [сайт]. 28.09.2018. URL: <https://goo.gl/a979Fo> (дата обращения: 04.11.2018).

3. Іларіон (Іван Огієнко), митр. Українська Церква [Електронний ресурс] // Наша Парафія [сайт]. 26.07.2015. URL: <https://goo.gl/mBkXe> (дата звернення: 04.11.2018).

4. Іов (Геча), архієп. Україна завжди була канонічною територією Вселенського патріархату [Електронний ресурс] // Главком [сайт]. 17.09.2018. URL: <https://goo.gl/oVe6b7> (дата звернення: 04.11.2018).

5. Кураєв Андрей, диак. Недоумения не-историка – историку [Електронний ресурс] // Живой Журнал. Диакон Андрей Кураев [блог]. 04.10.2018. URL: <https://goo.gl/WKW6Jj> (дата звернення: 04.11.2018).

6. Рішення Константинопольського Синоду щодо автокефалії України [Електронний ресурс] // ТСН.ua [сайт]. 11.10.2018. URL: <https://goo.gl/bRbLRe> (дата звернення: 04.11.2018).

7. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 2: История России с древнейших времен. Т. 3-4. М.: Голос, 1993. 768 с.

8. Ченцова В. Комментарий [на статью свящ. М. Желтова «Историко-канонические основания единства Русской Церкви»] [Електронний ресурс] // Basil Lougié [блог]. 02.10.2018. URL: <https://goo.gl/et5F2F> (дата звернення: 04.11.2018).

Сведения об авторе:

Архимандрит Феогност (Пушков) – кандидат богословия, настоятель храма святителя Николая Украинской Православной Церкви (село Курячевка).

Data about the author:

Archimandrite Feognost (Pushkov) – Candidate of Theology, Senior Priest of St. Nicolas Parish, the Ukrainian Orthodox Church (Kuryachevka village).

E-mail: o.thg2015@gmail.com.